

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-241-259

Россия, Китай и тихоокеанские страны Латинской Америки: возможности для многостороннего сотрудничества в АТР

Дмитрий Павлович НОВИКОВ

кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, заместитель заведующего Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: dp.novikov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3066-7044

ЦИТИРОВАНИЕ: Новиков Д.П. (2019) Россия, Китай и тихоокеанские страны Латинской Америки: возможности для многостороннего сотрудничества в АТР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 241–259. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-241-259

Статья поступила в редакцию 23.11.2018.

Исследование для данной статьи выполнено при поддержке гранта научного фонда факультета мировой политики и мировой экономики НИУ ВШЭ.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблемам развития современных отношений России, Китая и тихоокеанских стран Латинской Америки главным образом в аспекте наращивания сотрудничества в многосторонних форматах и диалогах о реформе экономического и институционального порядка в АТР. Актуальность такого сотрудничества повышается в связи с кризисом сложившегося в настоящей момент в Азиатско-Тихоокеанском регионе международного порядка, который проявляется в двух аспектах. Во-первых, существует проблема нехватки институтов, регулирующих экономические отношения, и идей для их дальнейшего развития. Такая комплексная повестка формируется Россией и Китаем применительно к Евразии (концепция «Большой Евразии»), однако*

продвижение схожей повестки в АТЭС сталкивается с многочисленными противоречиями. Во-вторых, АТР становится зоной противостояния США и Китая, что проявляется в том числе в борьбе за будущую конфигурацию регионального порядка на Тихом океане.

Тихоокеанские страны Латинской Америки не были затронуты ни российскими, ни китайскими инициативами последних лет, направленными как раз на создание нового международного порядка. Между тем они являются членами АТЭС и участниками многих региональных инициатив, а также потенциально значимыми экономическими партнерами и для России, и для Китая. Более того, схожий уровень экономического развития и похожие потребности объективно сближают взгляды и подходы ведущих евразийских держав

и тихоокеанских государств Латинской Америки к развитию многосторонних институтов регионального порядка. Однако исторически сложившаяся институциональная и политическая привязка этих стран к США в настоящий момент определяет их поддержку американских инициатив. Но это положение не является данностью, а некоторая беспорядочность американской региональной политики при администрации Трампа делает развитие диалога с этими странами по широкому спектру проблем, связанных с развитием многостороннего сотрудничества в Евразии и АТР, еще более востребованным.

Автор рассматривает предлагаемый анализ и некоторые выводы как возможность для научной и экспертной дискуссии по обозначенным вопросам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, Россия, Латинская Америка, АТР, АТЭС, международный порядок*

Россия, Китай и Латинская Америка: точки соприкосновения

В последние несколько лет Азиатско-Тихоокеанский регион стал областью не только мощнейшего экономического роста, но и ускоряющейся геополитической динамики, стремительно меняющей сложившуюся в предыдущие годы систему отношений в регионе. Ключевыми факторами, определяющими эту динамику, являются 1) эволюция региональной стратегии Вашингтона, которая становится все менее направленной на вовлечение новых центров силы и все более наступательной по отношению к ним; 2) конфликт между США и Китаем – крупнейшими региональными и глобальными экономиками; 3) российско-китайское сближение, достиг-

шее в последние годы уровня беспрецедентного стратегического партнерства. Последнее является основой для целого ряда инициатив, объединенных концепцией построения сообщества безопасности и развития в рамках «Большой Евразии» [Караганов 2017].

Латинская Америка остается на периферии этих процессов и пока находится фактически вне поля зрения ведущих евразийских держав – Китая и России. Между тем, участниками АТЭС являются три крупных государства Латинской Америки: Мексика, Чили и Перу, каждое из которых обладает собственной повесткой в АТР и также стремится расширить свое экономическое присутствие в регионе. Хотя в последнее время и Россия, и Китай в большей степени отдают приоритет евразийскому, а не тихоокеанскому треку развития многосторонних инициатив, тем не менее АТЭС и в целом азиатско-тихоокеанское направление сохраняет большую важность, особенно в условиях, когда отказавшиеся от Транстихоокеанского партнерства и ряда других инициатив США испытывают некоторый недостаток новых идей и концепций, на основе которых Вашингтон мог бы проводить системную политику в регионе. В условиях отсутствия каких-либо альтернативных повесток тихоокеанские государства Латинской Америки по-прежнему в значительной степени находятся в фарватере американской политики. В этих условиях целесообразно задуматься о том, чтобы дополнить региональные стратегии России и Китая треком на развитие отношений с латиноамериканскими членами АТЭС, с целью их более активного вовлечения в сотрудничество в существующих и вновь создаваемых многосторонних институтах и форматах.

Россия, запустившая свой «разворот на Восток» на саммите АТЭС во

Владивостоке в 2012 г., с самого начала ориентировалась прежде всего на развитие связей с государствами Азии. К настоящему моменту на этом направлении она уже добилась значительных успехов. Российское руководство постепенно формулирует комплексную стратегию своей форсированной экономической и политической интеграции в Азию, что выражается в выдвижении крупных инициатив, таких как объявленное в 2016 г. Большое евразийское партнерство, направленное на формирование широкого сообщества, которое включало бы в себя Россию, страны Центральной Азии, Китай, а также АСЕАН, Индию и другие государства евразийского континента¹. Отдельно следует отметить динамику отношений с крупнейшей азиатской державой и соседом России – Китаем, сотрудничество с которым достигло, по мнению многих ученых, высочайшего уровня с 50-х гг. XX в. [Lukin 2018].

В этих условиях Латинская Америка остается вектором, который российским «разворотом на Восток» оказался затронут, пожалуй, в наименьшей степени. Данные страны не включены в список приоритетных партнеров России в АТР и политическое и экономическое сотрудничество с ними выстраивается вне контекста общей политики России в АТР и Евразии. Между тем интенсификация контактов с ними и их вовлечение в диалог по вопросам формирования новых региональных порядков в АТР и Евразии представляются целесообразными по крайней мере с той точки зрения, что по целому ряду вопросов, прежде всего экономического развития, их интересы близки к интересам России и Китая. Однако, в том числе в силу отсутствия налаженного политического диа-

лога с этими странами, пока в вопросах о будущем регионального и глобального порядка они следуют в русле американской политики. Но это положение сегодня все больше подвергается сомнению, а сами страны Латинской Америки находятся в поиске новых моделей развития и роста [Ермольева 2018].

Для Китая дополнительным стимулом к наращиванию портфеля региональных контактов является затяжной экономический и геополитический конфликт с Соединенными Штатами, который, судя по всему, уже начался и стимулирует формирование и американских, и китайских многосторонних экономических институтов и альянсов [Лукин, Коротич 2017]. Одна из важных задач, диктуемых растущим противостоянием с Вашингтоном, – избежать политической и дипломатической изоляции даже по отдельным вопросам, обсуждаемым на многосторонних региональных площадках, в том числе в формате АТЭС, и одновременно ослабить возможности США по установлению в Тихоокеанском бассейне регионального порядка, который противоречил бы китайским интересам. Первый раунд этого противостояния уже имел место быть в виде конкуренции поддерживаемого КНР Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и продвигаемого администрацией Обамы Транстихоокеанского партнерства, в котором тихоокеанские страны Латинской Америки по большей части поддерживали американские инициативы.

При этом интересы латиноамериканских участников АТЭС в развитии сотрудничества с Россией и Китаем, помимо увеличения взаимовыгодных двусторонних экономических связей, сопрягаются с подходами Москвы и Пеки-

1 Стенограмма выступления Путина на ПМЭФ-2016 (2016) // Российская газета. 17 июня 2016 // <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html>, дата обращения 31.01.2019.

на в области формирования в АТР международного порядка, благоприятствующего потребностям развивающихся стран. Как и Россия и большинство азиатских экономик, Перу, Чили и Мексика пострадали от кризиса 1997–1998 г.², что стало фактором определенного разочарования в неолиберальной повестке глобального и регионального развития [Prebisch 2016]. Эти страны поддержали выдвинутые АСЕАН и Китаем инициативы по смещению акцента экономического сотрудничества в рамках АТЭС с простой либерализации торговли на качественное наращивание взаимосвязей и инфраструктурное строительство, что соответствовало потребностям развивающихся экономик. Эти идеи, в частности, отразились на Балийской декларации АТЭС, принятой на саммите организации в 2013 г.³ Потребности и риторика тихоокеанских государств Латинской Америки во многом коррелируют с идеями, выдвигаемыми Китаем в рамках проектов «Пояса и Пути» и Россией в рамках инициативы Большого евразийского партнерства – о создании пространства со-развития в Евразии. Данные идеи востребованы и в АТЭС, в том числе среди латиноамериканских участников организации.

Актуальность развития диалога с тихоокеанскими странами Латинской Америки по вопросам преобразования регионального экономического порядка (в рамках АТЭС или вне его) повышается и в связи определенным кризисом американской повестки, в русле которой традиционно находились эти страны. Перу, Чили и Мексика являлись участниками Транстихоокеанского партнерства, из которого США вышли, что вызвало недовольство остальных членов соглашения.

Мексика является также участником НАФТА, в настоящий момент трансформируемого администрацией Трампа в новое экономическое соглашение, условия которого вызывают в Мехико глухое недовольство. Это делает будущую роль стран Латинской Америки в тихоокеанской стратегии США весьма неопределенной – хотя инициатива ТТП продолжает существовать в виде проекта т.наз. Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения для Транстихоокеанского партнерства: администрация Трампа предпочитает делать упор на двусторонние связи, а также развивает новую инициативу – Индо-тихоокеанское партнерство [Лавут 2017]. В связи с этим повышается актуальность российских и китайских инициатив, способных заполнить этот вакуум.

В этой статье мы намеренно обходим стороной многие аспекты двусторонних отношений между Россией, Китаем и тихоокеанскими государствами Латинской Америки, фокусируясь на возможностях сотрудничества в многосторонних форматах, прежде всего АТЭС, а также на других диалоговых площадках. Автор рассматривает предлагаемый анализ и некоторые выводы как возможность для научной и экспертной дискуссии о целесообразности и возможности включения тихоокеанских государств Латинской Америки в круг потенциальных партнеров российских и китайских региональных инициатив, а также участников диалога о будущей конфигурации азиатско-тихоокеанского регионального порядка, важность которого увеличивается по мере ослабления норм и институтов «старого» порядка, чей кризис сегодня конституируют многие эксперты.

2 Страны Латинской Америки столкнулись с экономическим кризисом также в 1994–1995 гг.

3 APEC Leaders' Declaration (2013) // APEC, October 8, 2013 // https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2013/2013_aelm, дата обращения 31.01.2019.

Общие тенденции развития многосторонних экономических форматов в АТР

Большинство проблем и возможностей сотрудничества России, Китая и стран Латинской Америки в АТР определяется трендами исторического развития регионального международного порядка в последние несколько десятилетий. Создание в 1989 г. форума азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) символически завершило формирование Азиатско-Тихоокеанского региона как подсистемы международных отношений, обладающей высокой степенью внутренней взаимозависимости и динамики. Россия, Китай, другие страны Азии, государства Северной и ряд государств Южной Америки, а также Океании попытались объединиться для решения проблем общерегионального развития. Интенсифицировались и экономические связи между этими странами. Но кризисные тенденции в экономике и институтах региона определили несколько разные треки и подходы различных групп государств к дальнейшей организации международной и экономической жизни в АТР.

Однако уже к началу 2000-х эта повестка столкнулась с определенным кризисом. Во-первых, с известными пределами своего развития столкнулся сам форум АТЭС. Сформировавшееся общерегиональное институциональное обрамление оказалось достаточно слабым. Из четырех базовых функций международных организаций: содействия, мониторинга, надзора и регулирования – АТЭС обладало первыми двумя, но так и не сумело взять на себя надзорные и регулирующие функции, важные для упорядочивания и структурирования международных экономических отношений. Это во многом предопределило то, что

декларированные на саммите АТЭС в 1994 г. обязательства экономик – членов организации по созданию в АТР полностью открытой рыночной среды к 2020 г. фактически были отодвинуты в сторону после кризиса 1997–1998 гг. [Sung-Hoon 2009]. Строившийся вокруг них в 90-е гг. институциональный формат АТЭС оказался в состоянии стагнации, которая наблюдается и по сей день.

Кризис 1997–1998 подорвал репутацию США в регионе и в определенной степени способствовал сближению позиций пострадавших от него развивающихся государств. Так, американский президент У. Клинтон весьма цинично назвал сотрясший азиатский регион финансово-экономический шторм «мелкими неурядицами на пути к процветанию» [Stiglitz 2002, p. 97]. Такой подход – практически полное игнорирование проблем азиатских стран в условиях экономических потрясений – произвел деструктивный эффект на репутацию США и их экономической повестки в регионе. Бывший вице-премьер правительства Таиланда, впоследствии генеральный секретарь ВТО С. Паничпаки так прокомментировал американскую политику в регионе: «Азиатский финансовый кризис оказался разрушительным для Таиланда и Юго-Восточной Азии, заставив многих усомниться в том, хорошо ли США и МВФ представляют себе, как глобализация сказывается на экономике азиатских стран» [Prestowitz 2004, p. 87]. В странах Латинской Америки также испытывали разочарование и от действий (точнее, бездействия) Вашингтона, и от пагубных результатов «Вашингтонского консенсуса».

В Азии институциональный вакуум в сфере международной экономической деятельности с конца 90-х – начала 2000-х заполнился форматами, ядром которых выступала АСЕАН: АСЕАН+3

(Китай, Япония, Республика Корея) и АСЕАН+6 (КНР, Япония, РК, Австралия, Новая Зеландия и Индия), много позже – АСЕАН+8 (те же + Россия и США, обе запоздало подключившись к асеаноцентричному институциональному строительству лишь в конце 2000-х). Институциональные форматы асеановских проектов, таким образом, либо не включают США вовсе, либо допускают американское участие отнюдь не на первых ролях (как, например, АСЕАН+8).

В Латинской Америке экономический кризис 1997–1998 г. стимулировал развитие такого формата как МЕРКОСУР, а также создание организации ALBA. Однако тихоокеанские страны Латинской Америки пошли по пути наращивания экономических связей с США, на рынок которых они были в значительной степени ориентированы. В 2000-е гг. США заключили ряд соглашений о создании зон свободной торговли со странами Латинской Америки: в 2004 г. соглашение о ЗСТ заключено с Чили, в 2006 – с Перу, не входящая в АТЭС Колумбия создала ЗСТ с США в 2012 г. Мексика имела соответствующее соглашение с Америкой в рамках созданной еще в 1994 г. НАФТА. В 2012 г. эти государства (Чили, Мексика, Перу и Колумбия) сформировали Тихоокеанский альянс, новый торговый блок, построенный во многом на основе американского видения «высококачественных» торговых соглашений, но ориентированный, помимо углубления интеграции между участниками альянса, прежде всего на расширение экономического присутствия этих стран в АТР [Лавут 2012; Аниськевич 2017].

Таким образом, в АТР сформировался фундамент для двух треков регионализма. В результате был поставлен вопрос о том, на какой основе пойдет дальнейшее развитие региональных институтов многостороннего со-

трудничества. Государства Азии и Америки оказались на разных треках дальнейшего развития многостороннего сотрудничества в регионе. Чтобы преодолеть это расхождение, со второй половины 2000х гг. США активно стремились оживить формат АТЭС, интерес к которому снижался после азиатского кризиса 1997–1998 гг., в особенности в условиях невысокой, зачастую формальной активности США в этой структуре в первый срок президентства Буша-младшего. В частности, Вашингтон предпринял попытку вернуть себе инициативу в области формирования общерегиональной экономической повестки, выдвинув предложение о заключении соглашения о ЗСТ на базе АТЭС (2006 г.), идея которой, как указывалось выше, была зафиксирована еще в «Богорских целях».

Эта инициатива преследовала целью, с одной стороны, вывести форум, на котором США с начала 90-х традиционно солировали, из стагнации, с другой – предложить новую, общую для АТР консолидирующую повестку, чтобы преодолеть альтернативные, более узкие форматы. Но несмотря на в целом позитивное отношение стран региона к движению в сторону унификации режима международной торговли, к середине 2000-х консолидировать страны всего региона вокруг новой повестки, соизмеримой по масштабу «Богорским целям», уже не представлялось возможным [Костюнина 2012]. Хотя движение к созданию общерегиональной зоны свободной торговли было вновь зафиксировано в качестве головной цели АТЭС в итоговой декларации саммита, форум продемонстрировал, что единого понимания того, каким должен быть облик нового соглашения, среди государств-участников нет. Группа стран, выступавших за более глубокую регламентацию правил торговли, включая и США, оказалась не удовлет-

ворена тем, что будущая зона свободной торговли, вероятно, ориентировалась бы только на снижение тарифных ограничений. Во многом противоречия между развитыми и развивающимися странами (последняя группа включала и тихоокеанские страны АТЭС) сделали невозможной реализацию такого масштабного проекта, как создание ЗСТ в АТР [Green 2009].

На этом фоне активно развивался азиатский регионализм. Выстраивающиеся вокруг АСЕАН форматы, напротив, развивались достаточно активно во многом в силу того, что на их площадках обсуждалась не столько либерализация торговли, сколько конкретные инфраструктурные проекты и иные способы стимулирования экономического развития. В ноябре 2012 г. на базе АСЕАН+6 официально стартовали переговоры по созданию Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), являющегося по сути проектом полноценного торгового блока, составляющего прямую конкуренцию американским инициативам международного экономического сотрудничества в регионе. В результате к началу 2010-х в АТР появилось наслонение перехлестывающихся институциональных форматов, участником большей части из которых США не являлись.

В этих условиях уже с конца 2000-х США начали формировать новый план укрепления регионального экономического порядка под своей эгидой. Вначале администрация Буша, а затем администрация Обамы попытались «зайти с черного хода», выдвинув в качестве альтернативы не включавшим США азиатским асеаноцентричным форматам новый флагманский проект для азиатско-тихоокеанского регионализма. Этот проект частично основывался на уже сформировавшейся инфраструктуре двусторонних соглаше-

ний о ЗСТ между США и рядом азиатских государств, а также тихоокеанских государств американского континента, включая и участников соглашения НАФТА.

Опорным проектом, из которого начала расти новая флагманская многосторонняя инициатива стало Соглашение о Тихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (ТСЭП) между странами т.наз. «тихоокеанской четверки»: Новой Зеландией, Сингапуром, Чили и Брунеем. ТСЭП стало единственным форматом зоны свободной торговли (ЗСТ), участники которого принадлежали как к Азии (Сингапур и Бруней), так и к Океании (Новая Зеландия) и американскому континенту (Чили). Само соглашение рассматривалось участниками как модель адекватного требованиям XXI в. высококачественного договора о свободной торговле, которая могла бы служить базой для дальнейшей либерализации торговли в АТР – как за счет расширения ТСЭП, так и в рамках создания новых форматов международного сотрудничества, – именно поэтому участники соглашения вставили в название соглашения мало соответствующее реальным масштабам договора слово «стратегическое».

Развернутая из ТСЭП инициатива Транстихоокеанского партнерства с самого начала позиционировалась как проект отвечающий региональным вызовам и американским интересам. Так, объявляя о заключении соглашения по ТТП, Б. Обама указывал, что реализация проекта позволит укрепить американское лидерство и обновить институциональную среду региона, готовя обновленную институциональную платформу для всего АТР. В стартовом составе соглашение включало в себя два тихоокеанских государства Латинской Америки – Перу и Чили (последняя страна являлась участником ТСЭП

изначально), впоследствии, в 2012 г., к проекту присоединилась и Мексика.

Выход США из ТТП девальвировал значение этой инициативы, хотя оставшиеся 11 ее участников декларировали стремление сохранить это соглашение (в 2018 г. оно переименовано во «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства» и вступило в силу в декабре). В настоящий момент эти страны, включая и латиноамериканских участников, фактически ожидают смены правящей администрации, рассчитывая на возврат США в этот многосторонний формат. При этом тихоокеанские государства Латинской Америки сохраняют экономическую привязанность к США через соглашения о ЗСТ и, в отличие от многих азиатских участников ТТП, не входят в формат АСЕАН+. Следовательно, для них американские инициативы остаются фактически безальтернативными.

Таким образом, тесно связанные между собой российские и китайские региональные инициативы охватывают большинство стран АТЭС: например, участниками ВРЭП являются такие близкие США государства, как Южная Корея, Япония и Австралия, вовлекаемая в Индо-тихоокеанское пространство Индия участвует в переговорах по ВРЭП, состоит в ШОС и становится одной из ключевых стран сообщества Большой Евразии. Это формирует предпосылки для многостороннего диалога и совместной выработки основ нового экономического и политического порядка в Евразии и в АТР. Однако вследствие исторических причин, прежде всего описанной выше «конкуренции регионализмов», во многом и стимулировавшей развитие и консолидацию российских и китайских инициатив, потенциально заинтересованные в таком диалоге тихоокеанские страны Латинской Америки не просто выпали

из этих процессов, но оказались в еще большей степени замкнуты на США.

Пока этот «евразийский» трек азиатско-тихоокеанского регионализма почти не коснулся тихоокеанских стран Латинской Америки, более того, в результате наметившегося процесса субрегиональной фрагментации АТР они оказались от него оттеснены. Эта ситуация, однако, выглядит не совсем разумной, так как с обеих сторон существует запрос на расширение экономического сотрудничества и развитие его институциональной базы.

Тихоокеанские страны Латинской Америки сильно пострадали от стагнации азиатско-тихоокеанского регионализма и по сути распада институциональной среды региона на несколько региональных проектов. На данный момент практически все проекты региональной интеграции находятся в той или иной степени стагнации. При этом реализация разных треков регионализма могла бы привести к различным, но, как правило, позитивным для латиноамериканских государств АТЭС последствиям. Анализ изменений региональной экономической динамики показывает, что в зависимости от трансформации институциональной среды можно выделить четыре основных сценария развития экономической архитектуры АТР: 1) реализация тихоокеанского трека регионализма (эту роль играло ТТП); 2) реализация азиатского трека (РВЭП); 3) создание и сосуществование обоих треков; и 4) создание унифицированной ЗСТ на базе АТЭС – т.е. интеграция обоих форматов в единую институциональную архитектуру [Petri, Plummer, Zhai 2012]. Эффект институциональных преобразований для экономики государств региона, таким образом, различился бы в зависимости от того, по какому сценарию пошло бы развитие азиатско-тихоокеанского экономического регионализма. В настоя-

Таблица 1. Потенциальный прирост ВВП при реализации разных сценариев экономического регионализма в АТР⁴

Table 1. Potential GDP growth in different eco scenarios-economic regionalism in Asia and the Pacific

Страна / Country	Прирост по сравнению с базовым прогнозом (в %) / Growth compared to the baseline forecast (in %)			
	Тихоокеанский трек (ТПП) / Pacific track (TPP)	Азиатский трек (РВЭП) / Asian track (RCEP)	Оба трека / Both tracks	ЗСТ на базе АТЭС / FTA on the basis APEC
Участники ТПП / Participants TPP				
США / USA	0,4	0	0,4	1,3
Австралия / Australia	0,6	0	0,6	1,8
Канада / Canada	0,5	0	0,5	1,3
Чили / Chile	0,9	0	0,9	2,2
Мексика / Mexico	1,0	0,2	1,2	3,4
Новая Зеландия / New Zealand	2,2	0,1	2,3	2,9
Перу / Peru	1,4	0	1,4	2,0
Участники РВЭП / Participants RCEP				
КНР / China	-0,3	1,4	1,1	3,9
Гонконг / Hong Kong	-0,2	10,5	10,3	20,9
Индонезия / Indonesia	-0,2	0,8	0,7	2,5
Филиппины / Philippines	-0,3	1,7	1,5	4,9
Таиланд / Thailand	-0,7	1,8	1,3	4,9
Республика Корея / South Korea	2,2	4,1	4,9	6,1
Участники обоих форматов / Participants in both formats				
Бруней / Brunei	1,1	2,8	3,6	5,4
Япония / Japan	2,2	1,9	3,9	4,3
Малайзия / Malaysia	6,1	1,9	7,8	8,9
Сингапур / Singapore	2,0	-0,5	1,4	3,3
Вьетнам / Vietnam	13,6	4,0	16,4	21,5
Другие экономики региона / Other economies of the region				
Россия / Russian Federation	-0,1	-0,1	-0,1	9,3
Тайвань / Taiwan	-0,3	-1,9	-2,1	6,3
АТЭС (в целом) / APEC (total)	0,5	0,9	1,3	3,5

Источник: Институт мировой экономики Петерсона

4 Дополнительный суммарный прирост ВВП до 2025 г. по сравнению с базовым прогнозом.

щее время серьезные трудности испытывают оба трека (и азиатский, и тихоокеанский) – первый в результате противоречий внутри переговорного формата ВРЭП, второй находится в кризисе после выхода США из ТТП. Однако при реализации любого сценария можно достаточно четко выделить группы потенциально проигрывающих и победителей [Petri, Plummer, Zhai 2012].

Как видно, тихоокеанские страны Латинской Америки являлись потенциальными бенефициарами от заключения общерегионального соглашения по ЗСТ, а также тихоокеанского трека в виде ТТП, которое стимулировало бы рост в них, хотя и закрепляло бы за ними роль придатка более развитых экономик [Лавут 2017]. Отказ США от реализации ТТП и стагнация проекта ЗСТ в рамках АТЭС ограничили возможности тихоокеанских государств Латинской Америки по интеграции в экономическое пространство АТР и возможности усиления позиций на растущих азиатских рынках.

При этом дополнительным негативным фактором является наблюдаемое при администрации Трампа изменение внешнеэкономической стратегии США: тенденция к избирательному протекционизму и фактический отказ от новых и стремление к трансформации старых многосторонних соглашений. В частности, внесение изменений в НАФТА ограничивает возможности Мексики по включению в глобальные цепочки добавочной стоимости, в особенности с участием КНР, и направлено на усиление институциональной привязки мексиканской экономики к США [Школяр 2017; Сударев 2017]. Смена внешнеэкономического подхода республиканской администрации фактически хоронит и проекты по разворачиванию т.наз. Панамериканской зоны свободной торговли, которые обсуждались в период правления администрации Обамы.

Как следствие, растет заинтересованность латиноамериканских стран – участниц АТЭС в поиске альтернативных путей вовлечения в интеграционные процессы в Азии и Евразии, чтобы получить какую-то часть от потенциального экономического роста, который мог бы произойти при реализации одного из треков азиатско-тихоокеанского регионализма. Более того, развитие сотрудничества с такими форматами, как ВРЭП, ЕАЭС, и в целом в соглашениях и форматах формирующейся Большой Евразии могло бы послужить инструментом компенсации потерь и хеджирования рисков, связанных с кризисом американской повестки развития многостороннего экономического сотрудничества. В этой связи России и Китаю целесообразно было бы подумать над путями вовлечения тихоокеанских стран Латинской Америки в свою повестку развития Евразии и АТР и сформулировать стратегию и ряд адресных предложений в целях развития диалога с этими странами.

Современное состояние отношений и перспективы для развития диалога

Несмотря на наличие общих целей и значительный потенциал для развития сотрудничества, в том числе в многосторонних институтах, в настоящий момент отношения как России, так и Китая с большинством тихоокеанских стран Латинской Америки остаются на относительно невысоком уровне. Такое положение дел определяется как сравнительно небольшими объемами торгово-экономического сотрудничества, так и относительной неразвитостью политического и дипломатического диалога с этими странами, в том числе ввиду дефицита многосторонних диалоговых площадок и форма-

тов [Разумовский 2018]. По сути, единственной общей площадкой, на которой осуществляется системное взаимодействие России, Китая и тихоокеанских государств Латинской Америки, является форум АТЭС и сформировавшиеся вокруг этой структуры институты.

Экономическая важность Латинской Америки остается для России сравнительно невысокой, при этом торговые связи с тихоокеанскими государствами Америки развиты в наименьшей степени. Так, совокупный торговый оборот России и всех латиноамериканских государств АТЭС в 2017 г. составил менее 3 млрд долл. США, при этом более половины этих объемов пришлось на Мексику⁵.

Китай с точки зрения экономического проникновения в страны Латинской Америки добился гораздо большего, став одним из ключевых внерегиональных экономических партнеров – главным образом в силу объемов своей экономики. Наибольшим является товарооборот КНР с Мексикой, который в 2016 г. составил 42 млрд долл. США (ок. 1,6% от всего торгового баланса КНР), а также торговля с Чили (31,5 млрд долл. США)⁶. Несколько меньшими объемами торговли с Китаем могут похвастаться Перу и Колумбия – 15,4 и 9,3 млрд долл. США соответственно⁷. Однако даже эти объемы, как видно, в разы превосходят уровень российского торгово-экономического присутствия в регионе.

Частично рост торговли Перу и Чили с Китаем обусловлен заключением

соглашений о ЗСТ между этими странами – в 2005 г. Пекин создал зону свободной торговли с Чили, а в 2012 – с Перу. Фактически эти соглашения подписывались одновременно с соответствующими соглашениями с США, однако если ЗСТ с Китаем акцентировали внимание на ликвидации или снижении тарифных барьеров, Вашингтон предпочитал навязывать своим партнерам так называемые «высококачественные» соглашения, покрывающие многие сферы внешнеэкономической деятельности, включая такие вопросы, как соблюдение интеллектуальных прав, прав собственности, ограничение субсидирования и иных нетарифных мер поддержки национальных производителей и др.

Но эти объемы могут снизиться в случае изменения условий регулирования экономических отношений этих стран с Китаем. Так, заявленная администрацией Трампа торговая сделка по преобразованию НАФТА в новое соглашение содержит условия по созданию дополнительных барьеров для некоторых товаров китайского происхождения⁸.

Определенный ущерб конкурентоспособности китайских товаров могло нанести и соглашение по Транстихоокеанскому партнерству. Заключение и введение в действие соглашения о создании ТТП без китайского участия способно было нанести Китаю экономический ущерб, способствуя некоторому замедлению его экономического роста [Devadason 2014]. При этом по мере имплементации условий соглашения и перестройки региональных про-

5 Таможенная статистика внешней торговли (2018) // Федеральная таможенная служба России // http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095, дата обращения 31.01.2019.

6 China Statistical Yearbook. Value of Exports and Imports by Country (Region) of Origin (2017) // National Bureau of Statistics of China // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2017/indexeh.htm>, дата обращения 31.01.2019.

7 China Statistical Yearbook. Value of Exports and Imports by Country (Region) of Origin (2017) // National Bureau of Statistics of China // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2017/indexeh.htm>, дата обращения 31.01.2019.

8 Великая и прекрасная сделка: как Трамп победил соседей (2018) // Газета.Ру. 1 октября 2018 // <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/01/12004645.shtml>, дата обращения 31.01.2019.

изводственных цепочек оказываемый под их влиянием негативный эффект на китайскую экономику имел бы долгосрочный характер – особенно при условии неучастия КНР в ТТП и/или других альтернативных форматах регионального торгово-экономического сотрудничества. Выход США из ТТП позволил Пекину избежать таких негативных последствий, однако в усеченном виде – в составе 11 участников – проект соглашения существует до сих пор (в виде т.наз. Прогрессивного соглашения). Не стоит исключать и возможного возврата США к этой инициативе в случае смены администрации в 2020–2021 гг.

Пока же ключевым торговым партнером этих стран (помимо соседей) по-прежнему выступают США. Так, американская торговля с Перу в 2017 г. оценивалась в 15,9 млрд долл. США⁹, с Колумбией объем торговли превысил 35 млрд долл. США¹⁰, а с Чили составил около 30 млрд¹¹. Особняком стоит входящая в НАФТА Мексика, товарооборот США с которой превысил в 2017 г. 600 млрд долл. США¹². При этом следует отметить и серьезные отличия в структуре торговли этих стран с Китаем и США. В структуре торгово-экономических связей с КНР Мексики и Колумбии превалирует импорт: например, в торговле с Мексикой он составля-

ет 32 млрд долл., а в торговле с Колумбией – около 7 млрд. У Чили и Перу экспорт в Китай сравнительно незначителен – 18 млрд долл. против 12 млрд в первом случае и 9 и 6 млрд во втором¹³. При этом доля экспорта на китайский рынок во внешнеторговом обороте данных государств в последние годы постепенно растет, что говорит о повышении роли растущего китайского рынка для латиноамериканских производителей.

Американский рынок остается крупнейшим экспортным рынком и важным фактором развития для Мексики. Экспорт Мексики в США составляет 332 млрд долл., и сложившаяся там экономическая модель во многом строится на торгово-экономических соглашениях и связях с США¹⁴. Чили и Перу экспортируют на американский рынок товаров объемом 10,5¹⁵ и 8 млрд¹⁶ соответственно. Для этих стран США и Китай стали во многом равновесными партнерами.

Таким образом, если Россия пока остается для этих стран отдаленным, хотя и весьма интересным партнером (также как они – для России), их экономические связи с Пекином весьма значительны и могут стать прочной основой для диалога по более широким политическим вопросам, связанным с преобразованием регионального эконо-

9 Peru (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/peru>, дата обращения 31.01.2019.

10 Columbia (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/colombia>, дата обращения 31.01.2019.

11 Chile (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/chile>, дата обращения 31.01.2019.

12 Mexico (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/mexico>, дата обращения 31.01.2019.

13 China Statistical Yearbook. Value of Exports and Imports by Country (Region) of Origin (2017) // National Bureau of Statistics of China // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm>, дата обращения 31.01.2019.

14 Mexico (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/mexico>, дата обращения 31.01.2019.

15 Chile (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/chile>, дата обращения 31.01.2019.

16 Peru (2018) // Office of the United States Trade Representative // <https://ustr.gov/countries-regions/americas/peru>, дата обращения 31.01.2019.

номического порядка. Для латиноамериканских участников АТЭС такой диалог будет востребован, если предложит меры, связанные со сменой экономической модели, и позволит обеспечить экономический рост.

Все эти страны последовательно выступают за создание зоны свободной торговли в рамках АТЭС (АТЗСТ). Это отчасти определило их присоединение к проекту ТТП, который рассматривался ими как наиболее оптимальный трек для достижения данной цели. Лидеры тихоокеанских государств Латинской Америки неоднократно публично выступали за это соглашение и призывали к его расширению. Вопрос о будущем ТТП (к тому времени уже трансформировавшегося в прогрессивное и всеобъемлющее соглашение о Транстихоокеанском партнерстве), а также вопросы формирования АТЗСТ стали одними из центральных на форуме АТЭС в Лиме¹⁷.

В этой связи, возможно, целесообразно было бы двигаться в сторону вовлечения стран Латинской Америки, чьи подходы к либерализации торговли и организации многостороннего сотрудничества в АТР с 2000-х гг. определялись тихоокеанским треком регионализма (формируемым в основном США), к диалогу на основе форматов азиатского регионализма. В частности, перспективным было бы привлечение латиноамериканских стран АТЭС к форматам АСЕАН+, а также – вероятно, пока на уровне консультаций – к обсуждению условий региональной торговли на базе Регионального всеобъемлющего экономического партнерства. В какой-то мере развитие такого диалога (который можно было бы инициировать на той же площадке АТЭС) соот-

ветствует американской линии на продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона, однако наполняет ее принципиально иным содержанием.

Россия могла бы дополнить этот трек, развивая потенциал внешних интеграционных инициатив ЕАЭС, в частности продвигая сеть диалоговых форматов ЕАЭС+. В настоящий момент потенциал ЕАЭС как одного из источников развития нормативно-регулятивного пространства торговли в Евразии и АТР пока не реализован, а продвижение соглашений о ЗСТ и других экономических соглашений осуществляется преимущественно на азиатском направлении. Такое обсуждение могло бы происходить в том числе в сотрудничестве и под эгидой АТЭС, страны-участники которого являются перспективными рынками для государств ЕАЭС. Привлечение к такому диалогу латиноамериканских участников АТЭС позволит по меньшей мере познакомить их с интеграционной повесткой в рамках ЕАЭС, а также в более широком контексте – формированием экономического и политического сообщества в пространстве Большой Евразии, китайскими и российскими инициативами в этом направлении. А также с возможностью сопряжения этих инициатив с развитием многостороннего сотрудничества в АТР. Как максимум – выйти на конкретные инициативы по заключению экономических соглашений.

Наконец, целесообразно двигаться в направлении расширения площадок многостороннего сотрудничества с тихоокеанскими странами Латинской Америки. Россия и Китай могут инициировать привлечение этих государств к диалогу по политическим вопросам, прежде всего по вопросам ре-

17 APEC Leaders' Declaration (2017) // APEC, November 11, 2017 // https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2017/2017_aelm, дата обращения 31.01.2019.

гиональной безопасности. В том числе – через включение этих государств в Региональный форум АСЕАН, участниками которого являются два государства американского континента – США и Канада, а возможно и Восточноазиатского саммита (участником которого являются США). При этом опасения, что латиноамериканские страны АСЕАН будут поддерживать американскую региональную повестку, компенсируются ценностью самого вовлечения этих государств в диалог, который в данный момент фактически отсутствует.

Заключение

Развитие экономических и политических отношений между Россией и тихоокеанскими странами АТР обладает значительным потенциалом, однако сталкивается с тремя основными ограничителями. Во-первых, это относительно небольшая роль, которая оказалась отведена Латинской Америке в рамках российской стратегии «Поворот на Восток». Участие латиноамериканских государств в этой политике в основном ограничивается взаимодействием по линии АТЭС, а сам «Поворот на Восток» остается сфокусированным на Азии (интенсивно и последовательно идет развитие отношений только с некоторыми ведущими азиатскими государствами). При этом усиление геополитической конкуренции в АТР диктует курс на максимальное расширение сотрудничества со всеми странами региона и развитие политического диалога, в том числе с целью донести собственную точку зрения на то, в каком направлении должно идти развитие международных отношений в Азии и тихоокеанском бассейне и в мире. Пока же в отсутствие развитых каналов большая часть стран Латинской Аме-

рики в своем восприятии России идет в русле, формируемом американскими подходами и нарративами.

Во-вторых, объективным ограничителем является структура экономических связей: и экспорт России, и внешняя торговля тихоокеанских стран Латинской Америки в АТР сохраняют в значительной степени сырьевой характер, что сужает возможности для развития торговли. Вместе с тем, в расширении экономических отношений заинтересованы все стороны, а их развитие возможно под эгидой усиления сотрудничества по линии «Юг – Юг», «усиления взаимосвязей» и инфраструктурного строительства. Последнее возможно развивать в том числе на многосторонней основе, на базе таких институтов, как АБИИ, и финансовых структур БРИКС, в работе которых принимают участие и Россия, и КНР.

Наконец, в-третьих, важным ограничителем остается недостаток институциональной базы для сотрудничества и в политической, и в экономической сферах. Постоянный диалог со странами Латинской Америки по проблемам регионального и глобального развития ведется преимущественно в АТЭС. У России пока нет ни одного соглашения о ЗСТ со странами Латинской Америки, хотя по линии ЕАЭС рассматриваются, либо находятся в стадии переговоров несколько проектов по подписанию таких соглашений со странами Латинской Америки.

Преодоление этих ограничений возможно в том числе за счет усиления российско-китайского диалога по выработке общего понимания о роли тихоокеанских стран Латинской Америки и в целом южноамериканского континента в региональной и мировой политике, желательных моделей их вовлечения в региональные и глобальные форматы и институты, в которых Россия и Китай играют ведущую роль, а возмож-

но координации своих действий в Латинской Америке. Востребованность такого диалога демонстрируется, например, политическим кризисом в Венесуэле, где и Москва, и Пекин имеют значительные политические и экономические интересы, вступающие в противоречие с политической стратегией и целями США. Применительно к тихоокеанским странам Латинской Америки Россия и Китай заинтересованы в вовлечении их в диалог по развитию институциональной среды в АТР и в свою повестку общерегионального развития, интенсификации экономических и политических отношений стран Латинской Америки и держав Евразии. Американские подходы к АТР и Латинской Америке в настоящий момент скорее направлены на ограничение такого сотрудничества.

Растущая экономическая вовлеченность КНР в южноамериканском регионе впервые за многие годы может создать системную альтернативу в развитии внешнеэкономических связей тихоокеанских государств Латинской Америки, чьи экономики традиционно существовали в условиях близких связей с США и ориентации на их рынки. Большая заинтересованность латиноамериканских участников АТЭС в расширении доступа на азиатские рынки и страны ЕАЭС отражается в их поддержке идеи создания общерегиональной зоны свободной торговли в АТР и стремлении наращивать сотрудничество на двусторонней основе. Россия в этих условиях может сосредоточить усилия на двух направлениях. Во-первых, активизировать собственные ресурсы по расширению экономического сотрудничества, прежде всего через развитие внешнеэкономических инициатив по линии ЕАЭС – речь идет как о формировании сети ЗСТ, так и о развитии диалоговых площадок, в том числе экспертных, где пред-

ставители латиноамериканских стран АТЭС могли бы привлекаться к диалогу. Во-вторых, используя потенциал российско-китайского сближения и большую привлекательность Китая как регионального экономического центра, Россия могла бы способствовать выработке и продвижению общего подхода к диалогу с тихоокеанскими странами Латинской Америки и закреплять ее в рамках инициатив и проектов на базе многосторонних институтов: АБИИ, АТЭС, БРИКС, где Москва и Пекин выступали бы как ключевые партнеры и координаторы этих проектов.

Список литературы

Аниськевич Н.С. (2017) Латинская Америка между МЕРКОСУР и Тихоокеанским Альянсом: политические риски и региональная стабильность // Клио. № 9 (129). С. 136–145.

Ермольева Э.Г. (2018) Латинская Америка на перепутье // Латинская Америка. № 7. С. 88–94. DOI: 10.31857/S0044748X0000026-7

Караганов С. (2017) От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 30 мая 2017 // <https://www.globalaffairs.ru/pubcol/Otpovorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>, дата обращения 31.01.2019.

Костюнина Г.М. (2012) АТЭС: институциональная структура, направления деятельности и достижения // Российский внешнеэкономический вестник. № 10. С. 33–46 // [http://www.rfej.ru/rvv/id/20047A8AA/\\$file/33-46.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/20047A8AA/$file/33-46.pdf), дата обращения 31.01.2019.

Лавут А.А. (2017) Транстихоокеанское партнерство, Дональд Трамп и латиноамериканская интеграция // Латинская Америка. № 9. С. 19–35 // https://elibrary.ru/download/elibrary_29935527_50868813.pdf, дата обращения 31.01.2019.

- Лукин А., Коротич С. (2017) Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15
- Разумовский Д.В. (2015) Латиноамериканская интеграция выходит в мир. Перспективы для России // *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 82–91 // https://elibrary.ru/download/elibrary_23881606_68050057.pdf, дата обращения 31.01.2019.
- Сизоненко А.И. (2011) Россия-Латинская Америка: новые направления в изучении отношений // *Латинская Америка*. № 4. С. 4–9 // https://elibrary.ru/download/elibrary_16219872_36991708.pdf, дата обращения 31.01.2019.
- Сударев В.П. (2017) Что ждать Латинской Америке от Дональда Трампа // *Латинская Америка*. № 2. С. 5–11 // https://elibrary.ru/download/elibrary_28912660_53866708.pdf, дата обращения 31.01.2019.
- Хмелевская Н.Г. (2014) Интеграционные процессы в Латинской Америке через призму региональной торговли (на примере МЕРКОСУР и Тихоокеанского Альянса) // *Ибероамериканские тетради*. Выпуск 3(5). С. 131–141 // http://imi-mgimo.ru/images/pdf/Iberoamerikanskije_tetradj/CI35.pdf#page=131, дата обращения 31.01.2019.
- Школяр Н.А. (2017) Пересмотр NAFTA: угроза для Мексики // *Латинская Америка*. № 3. С. 43–49 // https://elibrary.ru/download/elibrary_28912675_41634805.pdf, дата обращения 31.01.2019.
- Devadason E. (2014) The Trans-Pacific Partnership (TPP): the Chinese Perspective // *Journal of Contemporary China*, vol. 23, no 87, pp. 462–479. DOI: 10.1080/10670564.2013.843890
- Green M., Gill B. (2009) *Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community*, Columbia University Press.
- Lukin A. (2018) *China and Russia. The New Rapprochement*, Cambridge: Polity Press.
- Petri P., Plummer M., Zhai F. (2012) *The Trans-Pacific Partnership And Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment*, Washington: PIIE.
- Prebisch R. (2016) *The Economic Development of Latin America* // *ECLAC Thinking, Selected Texts (1948–1998)*, Santiago: ECLAC, pp. 45–84.
- Prestowitz C. (2004) *Rogue Nation: American Unilateralism and The Failure Of Good Intentions*, New York: Basic Books.
- Stiglitz J. (2002) *Globalization and its Discontents*, New York, London: W.W. Norton & Company.
- Sung-Hoon P., Lee J. (2009) APEC at Crossroads: Challenges and Opportunities // *Asian Perspective*, vol. 33, no 2, pp. 97–124. DOI: 10.1353/apr.2009.0019

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-241-259

Russia, China and the Pacific Countries of Latin America: Opportunities for Multilateral Cooperation in the Asia-Pacific Region

Dmitry P. NOVIKOV

PhD in Politics, Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies, Deputy Head, International Laboratory for World Order Studies and the New Regionalism

National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: dp.novikov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3066-7044

CITATION: Novikov D.P. (2019) Russia, China and the Pacific Countries of Latin America: Opportunities for Multilateral Cooperation in the Asia-Pacific Region. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 241–259 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-241-259

Received: 23.11.2018.

The research for this article was supported by a grant from the research Foundation of the HSE faculty of world politics and world economy.

ABSTRACT. *The article is devoted to the problems of the development of modern relations of Russia, China and the Pacific states of Latin America. Author focuses on potential of cooperation of these states in multilateral formats and dialogues and the reform of the economic and institutional order in the Asia-Pacific. The relevance of such cooperation is increasing due to the crisis of the international order that has emerged in the Asia-Pacific region. This crisis manifests itself in two aspects. First, we may observe a certain lack of institutions of regulation of economic relations and ideas for their further development. Such a complex agenda is shaped by Russia and China in relation to Eurasia (the concept of “Greater Eurasia”), but the promotion of a similar agenda in the APEC faces*

many contradictions. Second, the Asia-Pacific region is becoming an area of confrontation between the United States and China, which is also manifested in the struggle for the future configuration of the regional order in the region.

The Pacific countries of Latin America were not affected by either the Russian or Chinese mega-initiatives of recent years, which are aimed precisely at creating a new international order. Meanwhile, these countries are APEC members and participants in many regional initiatives, as well as potentially significant economic partners for both Russia and China. Moreover, the author believes that a similar level of economic development and similar needs objectively bring together the views and approaches of the leading Eurasian powers and the Pacific states of Lat-

in America to the development of multilateral institutions of the regional order. However, the historically established institutional and political linkage of these countries to the United States currently determines their support for American initiatives. This provision, however, is not a given, and some irregularity of the American regional policy under the Trump administration makes the development of dialogue with these countries on the broad problems of multilateral cooperation in Eurasia and the Asia-Pacific region even more in demand. The author considers the proposed analysis and some conclusions as an opportunity for academic and expert discussion on the identified issues.

KEY WORDS: China, Russia, Latin America, Asia-Pacific, APEC, international order

References

- Aniskevich N. (2017) Latin America between MERCOSUR and the Pacific Alliance: Political Risks and Regional Stability. *Klio*, no 9, pp. 136–145 (in Russian).
- Devadason E. (2014) The Trans-Pacific Partnership (TPP): the Chinese Perspective. *Journal of Contemporary China*, vol. 23, no 87, pp. 462–479. DOI: 10.1080/10670564.2013.843890
- Ermolieva E. (2018) Latin America at the Turning Point. *Latin America*, no 7, pp. 88–94 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0000026-7
- Green M., Gill B. (2009) *Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community*, Columbia University Press.
- Karaganov S. (2017) From Turn to the East to Greater Eurasia. *Russia in Global Affairs*, May 30, 2017. Available at: <https://www.globalaffairs.ru/pubcol/Otpovorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Khmelevskaya N.G. (2014) Integration Processes in Latin America through the Prism of Regional Trade (for Example, MERCOSUR and the Pacific Alliance). *Ibero-American Notebooks*. Issue 3(5), pp. 131–141. Available at: <http://imi-mgimo.ru/images/pdf/Iberoamerikanskietetradi/CI35.pdf#page=131>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Kostunina G. (2012) APEC: Structures Activities and Achievements. *Russian Foreign Economic Journal*, no 10, pp. 33–46. Available at: [http://www.rfej.ru/rvv/id/20047A8AA/\\$file/33-46.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/20047A8AA/$file/33-46.pdf), accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Lavut A. (2017) Trans-Pacific Partnership, Donald Trump and Latin American integration. *Latin America*, no 9, pp. 19–35. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29935527_50868813.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Lukin A. (2018) *China and Russia. The New Rapprochement*, Cambridge: Polity Press.
- Lukin A., Korotich S. (2017) The Asia-Pacific Alliances of the United States: between Balancing, Neutralization and Hedging. *World Economy and International Affairs*, no 4, pp. 5–15 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15
- Petri P., Plummer M., Zhai F. (2012) *The Trans-Pacific Partnership And Asia-Pacific Integration: A Quantitative Assessment*, Washington: PIIE.
- Prebisch R. (2016) The Economic Development of Latin America. *ECLAC Thinking, Selected Texts (1948–1998)*, Santiago: ECLAC, pp. 45–84.
- Prestowitz C. (2004) *Rogue Nation: American Unilateralism and The Failure of Good Intentions*, New York: Basic Books.
- Razmovky D. (2015) Latin American Integration and Extra-Region Cooperation. Prospects for Russia. *World Economy and International Affairs*, no 8, pp. 82–91. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_23881606_68050057.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Shkokyar N. (2017) Revision of NAFTA Is a Threat for Mexico. *Latin America*, no 3, pp. 43–49. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28912675_41634805.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Sizonenko A. (2011) Russia – Latin America: New Approaches of Research. *Latin America*, no 4, pp. 4–9. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16219872_36991708.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Stiglitz J. (2002) *Globalization and its Discontents*, New York, London: W.W. Norton & Company.

Sudarev V. (2017) Donald Trump and Latin America. *Latin America*, no 2, pp. 5–11. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28912660_53866708.pdf, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Sung-Hoon P., Lee J. (2009) APEC at Crossroads: Challenges and Opportunities. *Asian Perspective*, vol. 33, no 2, pp. 97–124. DOI: 10.1353/apr.2009.0019